

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №18 ГАЗЕТА

Зоя Прокопьева / Своим чередом

В краю Тютчева и Бояна

В последние дни лета в Доме-музее великого русского поэта Ф. И. Тютчева в селе Овстуг (Брянская область) состоялась церемония награждения победителей, лауреатов и дипломантов Девятого Международного литературного конкурса «Мыслящий тростник». Победители традиционно определялись по двум номинациям «Философское стихотворение» и «Философское эссе». Задача конкурса – пропаганда творчества Тютчева, продолжение его традиций в современной российской словесности. В жюри, возглавляемое поэтом, президентом Литературного фонда «Дорога жизни» Дмитрием Мизгулиным, в этом году вошли: главный редактор альманаха «День поэзии XXI век», поэт Андрей Шацков (автор поэтической книги «Лебеди Тютчева»); главный редактор журнала «Роман-газета» Юрий Козлов, главный редактор «Литературной газеты» поэт и прозаик Максим Замшев, Председатель Брянского отделения Союза

писателей России поэт Владимир Сорочкин, директор Дома-музея Тютчева Оксана Шейкина, другие известные в литературном мире люди. Из нескольких сотен работ, присланных на конкурс, они выбрали самые достойные.

В числе присутствовавших на церемонии почетных гостей были писатели, журналисты, деятели культуры из Брянска, Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Ростова-на-Дону, Орла, Тобольска. Первой премии в номинации «Философская поэзия» удостоился уроженец Брянского края – известный журналист, книгоиздатель и поэт Виктор Кирюшин. Сейчас он живет в Москве, а в 1982–1983 годах возглавлял газету «Брянский комсомолец». Премии также были вручены поэтам Андрею Фролову (Орёл) и Владимиру Хохлеву (Санкт-Петербург). В номинации «Философское эссе» победителями объявлены поэт и публицист, главный редактор журнала «Дон» Виктор Петров (Ростов-на-Дону);

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:

Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

В оформлении обложки

использованы
фотографии
Анатолия Заболоцкого

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2021
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»
38915 на полугодие;

в электронном каталоге
«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2021 №18 /1887/ Основана в 1927 г.

Зоя Прокопьева

Своим чередом

Большая Счастливая

Угрюмый Фофан, раскинув руки, стоял и обнимал стог сена.

— Ты что? — забеспокоился Нил.

— Да так... — Фофан повернулся, и Нил увидел странно-счастливое лицо его с каким-то мягким удивленным взглядом. — Посмотри — небо, звезды!..

Небо было глубокое, темно-синее, звезды большие, яркие. И чистая полная луна освещала синий хрустящий снег. И тишина такая, что слышно, как за тремя бараками в скотнике вздыхают коровы.

— Знаешь, мне как-то не по себе. Стою вот, а тут, — помял рукой грудь, — как-то так не этак — жмет чего-то тут вот, давит... Вот я и испугался — вышел, стою...

— А у тебя как?

— Катерина сказала, что носит сына, вот и жду теперь.

— А я все боюсь чего-то.

— Не бойся, Петрович, теперь вроде ничего... Еще немного — и у нас все наладится, а потом снова сделаем дома каждому и — заживем. Работы тут полно, платят хорошо — народу нашему полегче заживется. Ребятишек выучим. Я вот и сам подумываю — вон даже Устенка Варлама и то больше меня знает. А тут на днях один приехал из Москвы инженер-строитель, в галстучке, кожане, а сам сухонький, в золотых очках, и все ходит и молчит, только «да» да «нет». С какой-то чудной фамилией — Горесмехов. Лазарь Саньч. Ходил, ходил, а потом подходит ко мне и говорит: «Нил Зотич, это надо вот так, а это надо вот эдак, тут ошибка в расчетах, а тут вы ошиблись...» Это на больничном корпусе... Поглядел я, а и правда — сделали бы, а потом все бы и завалилось. Корпус четырехэтажный, а фундамент по чертежам под один этаж. Кто-то, видать, перепутал чертежи. «Давайте, — говорит он мне, — сядем и сделаем перерасчет нагрузок». Ну сели. Он мне какие-то формулы, а я ни бе ни ме... У меня ж семь классов, говорю... Очень он расстроился, даже очки спали, пот на носу выступил. «Кто вы?» — говорит он. «Кузнец, — говорю я. — Тут со мной пять техников, пять прорабов. Ну а теперь вот вы приехали, еще кто-нибудь приедет. Да вы не волнуйтесь, — говорю я ему, — сделаем. Всё построим. Было бы из чего». А сам сижу и думаю: «Неуч я, неуч...» Назавтра подхватился да и к Сомову. «Снимай, — говорю, — Харитон Петрович, с городка. Я мужик, — говорю ему, — неграмотный мужик...» Смотрел он на меня, смотрел да и говорит: «А что, разве Горесмех не у те-

Окончание. Начало см. в № 17 за 2021 г.

бя?» — «У меня», — говорю. А он мне: «Пять техников и пять прорабов, механик, бригада сантехников во главе с инженером не у тебя? А твои мужики не у тебя?..» — «У меня», — говорю... «Так чего ж тебе еще надо? Главное — я тебе Горесмеха дал, он главный инженер по строительному делу жилья. Будут еще специалисты — дам еще. Ты давай-ко строй дома, а то к нам не едут. Зима, жить негде, как бы еще эти не разбежались, а ты мне морочишь голову. Ты мужик, Краюхин, — говорит он мне, — сообразительней грамотного. Мне, — говорит он, — пока другого не надо. Учись, перескачешь инженеров».

Теперь бегаю, Петрович, собираю книжки по строительству. Катерину ночами замаял этой математикой. Как только учебный комбинат построим, сразу пойду учиться. Рабфак, а там дальше...

— Я с тобой пойду, Нила. Только это же долго ждать, — сказал Фофан, скребя бритый подбородок. — А давай мы этого Лазаря попросим, пусть пока учит...

— Поди, откажется?

— Уговорим!

Нил не знал, что в самую непогодь толпа сезонников из камышистых шалашей и палаток собралась и двинулась к городу.

Толпу эту рискнул задержать Сомов. Ни посулами, ни уговорами не удалось убедить мужиков повернуть обратно.

— Хлеба давай вдоволь!

— Овса давай!

— Магазины давай!

— Мануфактуру давай!

— Вина вези!

— Одежду вези!

— Столовых давай!

— Табаку давай!

— Будет, — обещал Сомов, — все будет!.. Овес вот-вот привезут на станцию.

— Слыхали!

— Жилье будет! Мы начали строить дома со светом, с теплом, с ванной и туалетом.

В тысячной толпе прошло оживление, и какой-то бородач, протолкнувшись вперед, заявил:

— Ты, начальник, давай нам Краюхина, а не каких попало мальчонков, с им мы пойдем строить дома...

— Дам Краюхина, — не задумываясь заверил Сомов. Бородач взобрался на чью-то телегу.

— Эй, мужики! — зычно закричал бородач. — Морокухинские, айда с Краюхиным дома ставить! Кто со мной, давай назад!

Некоторые, видимо морокухинские, повернули.

— А плотют там как?

— Платить будут не меньше, чем грабарям, смотря кто что будет делать.

— А-а, ну-у тогда...

— С ним, Краюхиным-то, можно...

Один за другим — и треть повернула к «Краюхиному». И пришлось Сомову снимать Краюхина с барачков вместе с его мужиками. Но выхода не было. Он уже понимал, что мужики с недоверием относятся

к молодым десятникам и техникам. Мужикам надо было хоть молодого, но своего — понятливого. А Краюхин был высок, силен, с чернушей бородищей и жгучими глазами и с полуседой головой. Он умел в работе мгновенно находить контакт с народом, чего он, Сомов, до сих пор никак не мог понять. Подсмотрел он однажды на стройке домов за Краюхиным: поломалась бетономешалка возле фундамента дома, начали мужики мешать бетон в ящике. Загрузили, перемешали, потом из ящика лопатой в тачку, потом в тачке по дощатому настилу к траншее и опять лопатой из тачки. Портились доски, да тяжесть туда-сюда не маленькая. Краюхин постоял, посмотрел, подумал. «Мужики, надо посбивать ящики вот такие», — показал. Сбили такие ящики — копусные, с ручками, вроде носилок. И стали в этих ящиках замешивать бетон прямо возле траншеи — замешали, убрали подставку и опрокинули. Понравилось, тяжесть — только заправить, а о времени и говорить нечего. Где надо мешать бетон вручную, понаделали такие ящики. Казалось бы, просто, а раньше не додумались. В другой раз Сомов увидел, как носят кирпич мужики к стенам домов, где каменщики то и дело орут: «Кирпича!» Подойдет мужик к штабелю, снимет ящик на кожаных ремнях со спины, нагрузит ящик кирпичом, поправив, поднимет на плечи и понесет. Принесет, снимет, разгрузит. Заставил Краюхин ходить мужиков по кругу: останутся возле штабеля цепочкой, не снимая ящиков, один другому погрузит и пошел, там уже ждут — другие выгружают. И ходят так мужики на стройке домов Краюхина: без лишних усилий и быстрее в два раза. Звали они Краюхина «Наш». Где Наш-то? Скажи Нашему, спроси Нашего...

С первым снегом похолодало. В камышовых палатках продувает. Досок не хватает, кирпича тоже. Собрал Краюхин своих, повел на таловую сторону озера рубить тальник и колья. Нарубили. Свили первую избушку с двойными плетеными стенами, обмазали глиной, на крышу — плетеный мат, а поверху мата — камыш, оконце маленькое, пол и дверь из обрешков горбыля, печушку железную.

— Один человек, сам по себе, навряд ли поставит себе такую избушку за день, — говорил мужикам Нил. — Помогайте друг другу. Вместе мы сделаем не только избушку, а дома, заводы сделаем — эвон сколько нас.

Потихоньку к сильным морозам исчезли все шалаши семейных, уступив место баракам, саманкам, землянкам, лишь с краю все добавлялись большие палатки вербованных да съезжающей со всей страны молодежи.

Как-то поздним вечером вышел Нил из барака. Неярко светила луна. Шуршала поземка. От лесочка, поскрипывая снегом, покашливая, шел человек с корзиной. «Кто бы это?» — подумал Нил. Узнал — Кирей Чириков.

— Здравствуй, Кирей!

— Пошто, Зотич, не спишь-то?

— Да вот на луну вышел взглянуть — жива ли... А ты чего? Не по грибы ли пошел?

— Не-е, — застеснялся Кирей, — я... того... Я большухам щепы решил подсобрать. Не спится.

— Ну собирай, коли охота, а то бы лучше в тепле полежал, а? Вставить-то раным-рано...

— Не-е, я подышу...

— Ладно, дыши, — согласился Нил, направляясь за стог и зная уже, что Кирей вечерами собирает не щепу, а... навоз. Поначалу Нил думал, что Кирей собирает навоз на будущую грядку под огурцы, потом прикинул: на грядки под огурцы хватило бы и от своей скотины, но останавливать Кирея не стал, а потом и забыл.

Кирей Чириков, тихий задумчивый мужичонка — сын Клавдии Зосимовны, горбатой старушонки, ушедшей умирать в горы, — вдруг затосковал по запаху талой земли своего двора. Отец его, тихоня Еремий Чириков, всю жизнь прожил в Глинушах, в деревне, со всех сторон света окруженной глухими оврагами и полями. От прадеда, деда и отца ему передавалась по наследству крохотная пимокатня, из которой прадед, дед и отец Еремий, сквозь вечную отпотень на окне, видели только двор в хлипкой ограде, скособоченную стену с подгнившими нижними венцами, отошедшим приделом и кучу навоза под оконцем. Куча веснами слегка таяла, навоз вывозили на пашню, прежде чем начинали пахать. И Кирей сызмала тоже видел эту кучу, она представлялась ему чем-то неотъемлемым от себя и от жизни.

А тут, в Гиганте, как жуки в земле, рылись тысячи граблей с подводами, обильно удобряя землю своим потом и конским навозом. Горы этой земли вывозили в низины и ямы.

Увидел однажды Кирей на мерзлой дороге сплошные глызки конского навоза, взял корзину и пошел собирать эти катышки. Собирая и сваливая их в кучу возле своего леска, Кирей думал, что скоро понастроят тракторов уйму, перепашут всю землю — где ж тогда столь навоза набрать, всю-то землю удобрить?

Днем Кирей копал котлован вместе со всеми, вечером же и утром собирал навоз. К весне навозная грядка поднялась выше леска и баракров, а потом глызки на дорогах начали подтаивать, превращаясь в слякотное месиво. В один солнечный, яркий день пришел Кирей к своей куче, сел на тарный ящик и, вдыхая весенний запах талой земли и талого навоза, задумался.

Он еще не знал и никогда не узнает, что на месте этой кучи вырастет электроподстанция с кирпичным зданием моторного цеха, в подвалах которого в гибельную зиму войны вдруг начнут расти шампиньоны. Эти грибы — целое бедствие, станут, как поганки, ведрами выносить и сваливать кучей возле бытовки. И эту кучу, бело-розовую в лучах заходящего солнца, увидит бывший беспризорник Нил Болотов. Он поднимет белую, мерзлую глызку, понюхает, лизнет и — незаметно съест всю, а потом надолго замрет возле кучи, прислушиваясь к себе и к странно-какому-то шороху под ногами, не зная, не ведая,

что в тот миг, как он лизнул мерзлую глызку, все грибы враз зашевелились под бетонным полом и поползли вверх, поползли из всех щелей и трещин, пугая рабочих электроподстанции своим живительным, неистощимым напором. Щели и трещины замазывали, заливали цементным раствором, но все было тщетно — бетонный пол вновь бугрился и трескался.

И тогда на должность уборщицы грибов из промышленного помещения была принята тихая женщина Мотя. Она сваливала грибы в кучу, а Нил Болотов со своими ребятами уносили их к себе в стылый барак — мелкие и молодые мыли и варили в соленой воде целиком, большие же шляпки очищали от темных пластинок снизу и крошили на духовитое варево...

А Кирей Чириков, когда в его походную кухню прилетит снаряд, когда вспыхнет и вдребезги разлетится весь мир, он, вонзаясь головой в теплые потроха терпеливой гнедой кобылы, вдохнет родной, мимолетный запах талой земли своего двора и вместо рыжей кучи навоза в последний свой миг увидит белую-белую...

И не заметил Нил в житейской и строительной круговерти, как прошли зимние холода, начал подтаивать снег, прилетели скворцы. За зиму все остались живы, лишь скинула ребенка сноха у Луки Анюта Былинкина, дочь Матрены, поднимая столбовский котел с картошкой, да переболел воспалением легких дед Онуфрий, не сумевший от волнения сказать приехавшему врачу, что у него болит, кроме одного: «Да я, доча, весь болю и болю... Ты не трать на меня лякарства-то, я и так встану...»

Перед Вербным воскресеньем в одну ночь один за другим в бараке заорали трое новорожденных — три парня. Родился сын у Нила, у Платона Семечкова и Устина Лютикова. А через месяц, и тоже в одну ночь, в этом же бараке заорут еще четверо младенцев — сыновья Луки, Антона Куделина, Веньки Коромыслова и Егорки Петелина.

— Ой, Нила, — радостно ахала Матрена, главная повитуха, — мужиков-то теперь у нас, мужиков-то! К чему бы это, а?

— К урожаю, Матренушка, к урожаю, — твердила счастливая Лукерья, заимевшая сразу двух внуков от своих дочерей — Катерины и Верки, втайне надеясь получить внука и от Любки, которая чего-то повядилась жечь керосин ночами над книжками, ворота нос от ухаживателей.

К майским праздникам в городке уже заселили десятый дом, положили таких же еще сорок, заканчивали больницу, школу, большой двухэтажный клуб и баню. Из груды камней, гор земли и всяческого строительного материала один за другим поднимались цеха завода-гиганта. После зимних, приостановленных из-за холодов работ гиганту нужны были тысячи рук. Всю зиму со всех концов мира поездами, пароходами шли станки и оборудование, закупленные на валюту. Эти горы оборудования надо было кому-то разгружать, размещать или уста-

навливать сразу на место. На сезонников рассчитывать не приходилось. Мужикам надо было сеять. По всем деревням снова разлетелись гонцы-вербовщики, но теперь им можно было сулить манну небесную — подсобному хозяйству выделили огромные поля, вспахали, посадили картошку, капусту, огурцы, лук, помидоры, морковь. Лука, заменяющий Катерину, объехал деревни, колхозы, совхозы, всем развез, разослал приглашения на базар-ярмарку в Вербное воскресенье. Он предвидел: у него кончились запасы для столовых, а народ несло на стройку, будто наводнением, всего не хватало, и чем кормить многотысячную армию строителей, ни начальство, ни он, гений базара, придумать пока не могли, как устроить базар прямо тут, на пустыре между городком и заводом, с концертами, с гармошками, с ларьками.

Гигантская «вербная идея» Луки Хитрова, как ее после называли, превзошла все ожидания — из ста деревень к назначенному дню потянулись обозы с продуктами, крестьяне открывали зимние ямы с картошкой, соленьями и везли все, что можно было есть и за что получить деньги. Колхозы везли живность, раннюю зелень, мед, молоко, творог, сметану, готовые пироги, шаньги, шашлыки — разжигай уголь, жарь и тут же продавай.

Идейные вожаки стройки тут же развернули бурную агитацию: показывали будущий завод, обещали крестьянам будущие трактора, показывали дома с теплыми ваннами и туалетами. Зачем-де топить, ходить за водой, бегать в холодный нуженник, возиться в назме — давайте оставайтесь, тут все будет. Веселье — вот дворец, вот школа — ребятишек своих в люди выведете, выучите, специальность денежную получат... А вот больница, баня... Не глянется лежать в теплой ванне — иди попарься...

— Так это ж целый лес на одни веники?! — ахнул один.

— А корову-та где жа?.. Как жа я ее на балконе-то?.. — пытались уразуметь другие.

— Зачем же на балконе, вот возле дома сарайки, если захочешь держать корову... Сена?.. Да сена сколько хошь — полно вокруг, хоть сам ешь... Дрова не надо — само греется. Магазин? Да весь город в магазинах. Давайте, мужики, к нам на завод, давайте!.. — агитировал помощник комсомольского вожака Володи Петрова.

— Дак подумать надо... — чесали мужики затылки. Тугодумы думали, уставшие от беспросветной нужды крестьяне решались — хуже не будет — и тут же оставались. Идея Луки Хитрова подарила стройке треть приехавших на базар. Остальные с покупками, нужными в хозяйстве, — корчажками, ложками, розовыми кошечками с дырками на голове и прочей мелочью — разъехались сеять легенду о райской жизни в Гиганте, о невиданном веселье, о дармовом тепле и уюте с теплыми отхожими местами, разъехались, чтобы приехать снова на Пасху и привезти на продажу продукты питания, любопытных, не верящих ни в какие Гиганты и обездоленных жизнью крестьян, жаждающих куда-нибудь

приткнуться и свить гнездо свое. Везли детей, чтобы те обрели умную, лучшую жизнь, а не мыкались за сохой, как отцы и прадеды. Народ прибывал, рос каменный город, но намного медленнее, чем палаточный и барачный. То там, то тут как грибы вырастали новые землянки и мазанки.

На Пасху снова шумел базар, снова музыка, ларьки, снова агитирующие. Как дар с ясного неба, снова передышка Луке. Он осунулся, почернел, не только от работы, но еще и от ночного воя ребенка, которому, видать, не хватало молока Настены. За гигантскую идею сам Каторгин Савва Ильич крепко пожал руку Луке Хитрову и сказал: «Спасибо...»

Наградили Луку месячным окладом и двумя талонами — на пальто и костюм, потому что заместителя Катерины Лопуховой знали все — он правдами и неправдами кормил всю стройку. Каждый день он появлялся на самых трудных участках на подводе с белой кобылой и красноухим подростком Митькой, одетым во все белое, с коробом пирожков, шанег, бубликов, с термосами горячего чая. Еще зимой Лука привез из Ленинграда два вагона термосов, тридцать тысяч ложек, тридцать тысяч вилок, сто тысяч тарелок, пять десятков больших блестящих кастрюль.

Перед Пасхой шофер Сомов Василий разыскал Нила и увез со стройки домов в контору.

— Пошли, Краюхин, — сказал Сомов и молча пошел к машине. Привез к строящимся цехам, показал их, вывел к голой площадке.

— Видишь? — спросил Сомов.

— Вижу, — ответил Нил, — пусто. Колышки вбиты.

— Надо за неделю залить фундамент цеха. Сможешь?

— Да у меня же там...

— Там все в порядке. У тебя там пятнадцать инженеров. Горесмеха уже предупредили. Месяца на два придется поубавить рабочих. Выручай. Без тебя они не пойдут.

— Надо?

— Очень надо. Людей бери сколько хочешь.

— Ну-у, если надо...

Мужикам Нил так же сказал: «Мужики, надо... Пошли со мной...»

— Ну-у, если надо...

За день и вечер, меняясь, пятьсот человек вырыли траншеи по вбитым колышкам. Наутро пришел техник-обмерщик и схватился за голову — колышки вбиты не там, где надо. Кто-то перенес эти колышки в сторону и забил.

Собрались мужики, встали, смотрят на Нила.

— Чо делать-то будем? — спросил морокухинский бородач. — Завтра базар, а нам, что ж, робить придется?

— Это я виноват, мужики, — сказал опечаленный Нил. — Это я не проверил по чертежу, я понадеялся на народную честность. Я думал: мужик добро рушить не станет, но я забыл про пожары и убитых мальчишек... Что ж теперь, хорошо хоть не успели залить бетоном, а то бы...

— Да чего мы паникуем? Траншея? Да черт с ей, траншеей, — обозлился Фофан. — Другую выроем, а эту засыпем.

— А и верно, — сказал кучерявый бородач, — там вон сколь добра порушилось, а тут — земля. Она, родимая, все стерпит.

— Сегодня начнем заливать, — сказал Нил. — Давайте камень, песок, щебень. Я сейчас добуду мешалку. Бригадиры! Петрович, начинай опалубить с того краю, за тобой кладет бут Варлам, за Варламом бетонит Аксен Тютякин (так звали бородача морокухинского). Новую траншею начнет рыть Григорий Утиносов. Потихоньку за сегодня и завтрашнее утро, я думаю, завтра мы поробим часа три до базара, а после гулять будем. Все успеем. Обед, я договорюсь, нам привезут сюда. Давай, мужики...

— Во, это дело, — похвалил Аксен Тютякин.

— Чо ты, паря, радуесси, мне вот понову рыть, — бурчал Григорий Утиносов, кряжистый детина с белой шапкой кудрей и бурыми усами. — Гад какой-то тут навражил, а мы рой...

— Не разевай рот, Гриша, трактор проглотишь, отдохни, может, завтра этот гад придет втихаря и выроет траншею-то — подмогнет нам, дуракам, — незлобиво ехидничал Тютякин.

— Давай, давай, Тютя, заливай, да не усни, а то зальешь мимо, — огрызнулся Утиносов. — Ишь, расхорохорился — тара-актор. Да ты уснешь, так ведь весь Гигант стибрят...

— Пой, Гриша, пой, да не охрипни, а то завтра петь на базаре-то некому будет...

Посмеялись мужики, да и затихли в работе. Только то тут, то там выкрикивали:

— Доску-у!

— Гвоздя!

— Эй, где песок?

— Ногу-у задавил, гляди, ногу-у... А, ч-черт!

— Галок не считай, лапонька...

— Чаво дересси-и? — вопил Сидорка Тараканов, постоянный объект насмешек. — Башкой по доске хряпнул...

— Тю-ю, дурной, да я нечаянно... А ты не засти тут путя... И не башкой по доске, а доской по твоей башке. Чаво ты котелок развесил, вишь, доски таскаю? — оправдывался ударивший.

Сидорку Тараканова прозвали «Котелком». Торопились, заканчивали дома. Принесла жена Сидорке, голубоглазому медлительному парню, котелок с супом, а Тютякин взял да и брякнул:

— Сидор, это чо это тако, а? Вчера приходила белобрысенная с кудерюшками, позавчера этакая фря цыганистая, а седни еще, да какая-то полбабы, тощая больно... Сколь их у ты, Сидор?

Не успел Сидор моргнуть, а баба хрясь ему котелком по голове, да и назад, молча.

— Кака фря, кака хря, кака с кудерюшками? Это ж баба, Клавка! — визжал Сидор, вытряхивая из волос и ушей лапшу. — Вы чо-о, а?.. Она ж меня домой не пустит... Она ж...

— Прости, Сидор, — на полном серьезе клялся Тютякин. — Я-то откуда знал, что у ты така яхонтова

жена? Да она у ты, Сидор, не полбабы, а целиком принцесса. Хошь, схожу к ей, упаду в ноги? А?..

Мужики забыли про обед — укатывались, животно держали.

— Нельзя так, Аксен, — сказал после Нил, — нельзя. Ты шути с равным, кто понимает шутку. А ты посмотри, что ты наделал — мужик теперь ходит как из лужи вынутый. У него двое детей, Аксен...

После этого, говорят, Аксен два дня ходил хмурый и тихий. Даже, говорят, куда-то ходил с бутылкой вина и связкой бубликов. Но с тех пор Тютякин Сидорку не задевал, а все цеплял своего земляка Гришку Утиносова, добродушного, смешливого земляка с бурными усами.

Пока Нил добывал трактор, чтобы приволочь поближе бетономешалку, пока договорился с Лукой о доставке обеда на стройплощадку, бригада Фофана метр за метром поднимала опалубку, и подсобные едва успевали подтаскивать доски.

Фофан никогда не узнает, что его единственный сын, выросший в колхозе «Заря восхода», где-то возле Истошного, молодой инженер-конструктор Илья Фофанович Фофанов, через несколько лет окажется на этом месте, перед глухой бетонной стеной, будет стоять и думать, как вырыть в цеховом пролете яму, чтобы не обвалилась эта стена и не обвалился этот фундамент, подпирающий подкрановые колонны, как вырыть яму двадцатиметровой глубины под фундамент стопятидесятитонного основания прессового молота, чтобы ни на один день не остановить цех, чтобы не произошло аварии, чтобы танки шли и шли, чтобы после установки этого фундамента, нужного войне, танков пошло еще больше. Сын Фофана будет стоять и думать. В Москве будут думать ученые страны, обедневшей от войны людьми и питанием. Будут думать конструкторы, инженеры и строители этого Гигантского завода, но придумает, как это сделать, сын Фофана, простой конструктор, стоя перед глухой бетонной стеной, стоя там и не зная, что фундамент под эту стену и под огромные подкрановые колонны делал его отец.

Неожиданное предложение Ильи Фофанова месяц будут изучать ученые страны, а потом согласятся. Правительство предложит сыну Фофана в то лихолетное время оформить документы на Сталинскую премию. Сын Фофана согласится, но тут же запросит правительство доставить самолетом, вместо этой премии, тысячу пар валенок для бесприютных, отошавших без отцов и матерей детей, ищущих в бедных отбросах долгой войны корм и надежду, чтобы выжить, чтобы не обессилеть и не упасть с подставки у ледяного, заваленного снегом станка, режущего детали для танков. За важность ямы двадцатиметровой глубины правительство пришлет военным самолетом тысячу пар детских валенок сыну Фофана. Эти валенки доставит в Гигант спецрейсом отчаянная летчица Устинья Шуршина, чтобы за сутки отдыха самолета успеть заглянуть в глаза единственного человека на земле, обнять его и больше

никогда не увидит. Улетая, она заплачет от счастья, которое ей суждено будет обрести благодаря сыну Фофана.

Но все это будет много позже, а пока что Фофан строит гигантский фундамент, возле которого суждено будет стоять его сыну и думать.

А пока что Фофан то и дело кричал:

— Доску-у!.. Камни-и!.. Бетон!.. Д-давай!..

Лука готовил походный горячий обед, чтобы после этого обеда строители на какое-то время забыли думать об еде. Нил торопил тракториста везти бетономешалку, а в это время делегации колхозников, прибывших на завтрашний базар, ходили по стройке. На одном конце, где Фофан, — одна толпа гостей, на другом, где копают траншею, — другая.

— Батюшки! — ахнула колхозница в красной козырьке, — как землицу-то всю исковеркали-и...

— Копотна-та эта работа, сколь, мужики, стоять? — спрашивал усач с глазами вразбежку, теребя снятую от восторга кепчонку.

— Дорогонько, дедунь, дорогонько! — отвечал Утиносов. — Давай к нам, мы такому, как ты, и от себя добавим.

— Дак вот и глядяю...

— Гляди, гляди, дедунь, куда глядишь — опередят тебя... Вон счас толпа просилась — не взяли, а тебя возьмем, — уговаривал между делом Григорий.

— Говорят, у вас тут сапоги бесплатны дают? Правда, што ль? — поинтересовался хлипкий паренек.

— Как ты придешь да ухватишь тачку с бетоном, так сразу дадут не только сапоги, а еще и рубаху со штанами...

— И когда же, мужики, вы трахтур-та пускать отсель начнете, а?

— Скоро, дядя, скоро. У тебя картошка расцвествать не успеет, как мы трахтур к вам пригоним. Я, дядя, самолично срежу пруток самый ядерный и пригоню тебе трахтур. Где живешь-то?

— Да в Балабановке...

— Ой, дядя, так это ж рядом с Морокухиным! Как там у нас, хлеба-те будут ли?

— Ноне будут.

— А ты чо, на базар? — спросил Григорий.

— На базар.

— Ну мы завтра с тобой и поговорим, а то приходи в девятый барак вечером — чай у нас есть...

— Ладно, — пообещал мужик.

— А на машинах у вас ездить учат? — спросил вихрастый паренек с книгой под мышкой.

— У нас везем учат. Не только на машинах, но и на лошадях... Давай к нам — вначале землю пороешь, ну а после и на машину сядешь.

— Плотники-и! Обе-ед! — прокричал отрок Митька, встав на телегу.

— Во, мужики, живем-то, а!.. Еда прямо тут — три раза, хоть не вставай, ложись у телеги и ешь до вечера, — хвалился Утиносов.

Пока обедали плотники, бетонщики работали на готовых опалубках. Митька отвозил пустые котлы из-под щей и привозил другие — полные.

Вскоре пообедала и последняя бригада Утиносова. Митька принялся укладывать пустую посуду на обе телеги. Не успели землекопы дойти до своих траншей, как началась свалка. Сквозь грохот бетономешалки понеслась ругань и крики: «Ах ты, вредитель! Ах ты, гад! Ах ты... Ах ты... Бей... Держи...»

Смотрит Нил, а там растет клубок с поднятыми лопатами. Бросил молоток к бетономешалке — пулей туда, и, срывая голос, закричал:

— Стойте! Стойте!..

Мало кто услышал Нила в азарте уничтожения классового вредителя. Врезался в толпу Нил, Фофан за ним.

— Мужики-и-и! Стойте!

Добрались до центра — лежит в середке окровавленный парень, около валяется замызганная книжонка да два белых колышка, забрызганных кровью.

— А ну по сторонам! — заорал Нил. Опомнились мужики, расступились.

— Петрович, Митькину телегу — быстро! Повежь к Матрене.

Фофан исчез сквозь напирющую толпу. Поднял Нил парня — теплый, живой. Нил его на руки и — к телеге. Обмотал голову Митькиным фартуком и опустил на колени Митьке.

— Гони, Петрович! До города его не довести. В здравпункте — пигалица, да и ничего у нее нет.

Фофан уехал.

— Н-ну! — Нил обвел хмурым взглядом толпу. — Кто бил? — Молчат. — Посидеть за самосуд захотели? Кто бил, спрашиваю? — Опустили головы. — Вы спросили его, где он взял эти колышки? Вы спросили, зачем он их взял? Вы проверили колья своей траншеи? Нет?.. — Молчат. — За что вы убили парня? Я еще раз спрашиваю — кто убил?.. Молчите. Силы раскрыть рот не хватает, так, что ли? Я все равно узнаю, кто бил. И тот, кто бил, пусть раз и навсегда запомнит, что такие заводы, как этот, надо строить чистыми руками. Ясно? Вам захотелось увидеть крови, как бандитам и уголовникам. Чтобы чудить вот это небо, вам захотелось сесть за решетку... Так, что ли?

Толпа молчала.

— Все, давайте робить! — Дрожащей рукой Нил нашарил в кармане трубку.

Вскоре тихонько и как-то боком подошел к Нилу Григорий Утиносов, за ним трое красавцев. У одного синяк под глазом, у второго губа кровит, у третьего нос картошкой.

— Вот, Нила, — виновато заговорил Григорий, — они били...

— А их кто? — поднял усталое лицо Нил.

— Дак, это... я маненько. Мне можно — это наши морокухинские... Отродясь у нас в Морокухине никто никого не убивал и не калечил. Срам-то какой... Чо мне теперь наши-то скажут? Тьфу ты, осподи-и... Не доглядел это я, Нила. Тебя подвел...

— Я не убивал, — поднял голову один, слезный синий взгляд в сторону, облизнул рассеченную губу. — Я токо по зубам...

— Я те сейчас дам по зубам... Я те сейчас дам, ишо добавлю... У-у, ироды... Чо я Степаниде скажу, матушке-то твоей чо скажу, а?..

— А я вроде и не бил, токо он упал чего-то, — принялся оправдываться второй, пощупывая сизеющий нос.

— Не бил он, ишь ты... Я за тебя, жеребца, бил?

— Я, дядя Гриша, тоже не убивал, — всхлипнул третей, утирая слезу с заплавленного глаза.

— А ты увянь, я тебя вечером так ухайдакаю, что забудешь, на чем сидят...

— Чо вы все на меня, — огрызнулся парень, — я один, чо ли? Все били, я токо догнал, когда он бежать кинулся. Первым-то Петька вон по зубам его хрястнул... Потом-то все били...

— Я первый, да? Я теперича виноват? А он, тот, этот-то, вражина-та, смотрю — идет, под мышкой колышки, книжка кака-та... Ах ты, думаю, гад такой, вредитель...

— Уйдите с глаз моих, пока я добрый, — закричал Григорий с подзвизгом, — уходите к чертовой матери... Всю жизнь бы вам рыть траншеи...

Парни притихли, запереминались с ноги на ногу.

— Идите, ребята, робьте, потом разберемся, — сказал Нил не вставая.

Повернулись парни, побрели.

— Чо теперь делать-то? — вздохнул Григорий, садясь рядом с Нилом.

Нил поднялся, прихватив книжку неизвестного парня — «Механизмы». Из-за угла цеха с пустыря выбежала Устя. Остановилась на свежем земляничном всхолмке, огляделась и прямо к Нилу. Волосы встрепались, в глазах тревога.

— Вы, как вы? — переведа дыхание и заглянув в лицо Нила, спросила Устя.

— Да я живой пока, Устя, — слабо улыбнулся Нил, изучая лицо Усти — с чем оно. — Как там?

— Петрович ускакал в город, в аптеку. Митька поехал искать мед. Матрена послала.

— Значит, живой будет, — выдохнул Нил с облегчением.

— Рука сломана. Зубы выбиты — не знаю сколько. На голове дыра. Матрена уложила его в дальнем углу барака и сказала, что надолго.

— Вот тут книжка его — «Механизмы», — забори. Спасибо, что пришла...

— Катерина с Зотиком ушла на работу, — сказала Устя, просматривая книжку.

— Ну, не терпится бабе...

— Да нет. Сомов вызвал.

— Нила, у наших в бараке мед есть кое у кого... Послать? — Робко спросил обрадованный Утиносов.

— Пошли. Устя подождет.

— Конечно, подожду, а то найдет ли наш Митя.

Григорий рысцой к траншеям. От траншей тотчас, стремглав, кинулся к барачному городу Петька с рассеченной губой.

— За что они его? — тихо спросила Устя.

— Да скорее всего ни за что. У нас вчера обнаружилось, что перенесены колышки, а мы по ним вырыли траншею, сегодня пришлось рыть другую —

рядом. А этот парень тут чего-то оказался с книжкой вот этой и двумя колышками под мышкой. Кому-то, видать, взбрело в голову — вредитель. Ну и принялись колошматить...

— Тьма беспросветная, — задумчиво сказала Устя.

— Что тебе сказал Каторгин?

— Осенью отправит в Москву учиться.

— Давай-ка сядем, — сели на тачку, — выучишься — сюда вернешься?

Быстро взглянула в лицо ему:

— Думаю, да... Когда-нибудь...

— Завидую я тебе, Устя.

— А я вам.

— Мне-то чему?

— Не знаю, — вздохнула, — многому. Вы, например, знаете, что делаете — вы строите завод. Завод нужен. Значит, вы делаете нужное дело.

— А ты? Ты не делаешь нужное дело? Твоим ученикам будет тебя не хватать... Разве это не нужное дело?

— На мое место придут другие. Дадут более нужные знания. А я, я уже вам говорила, что буду летать. И я буду летать.

— Летай, Устенка, летай! Таким, как ты, надо летать, а таким, как я, надо на земле. Когда-то моя тетка Гортензия, которой давно уже нет, говорила, что я потомок грека-провидца. То, что я потомок грека, — это очевидно, а вот насчет провидца — тут что-то не так. Не чувствую я себя провидцем. Хотя... Ты посмотри — он уже здесь! Вот летает парень, когда-нибудь всех перегонит...

Петька, прижав к груди кринку явного изделия фирмы Лютикова, розовую кринку, обвязанную поверху тряпочкой, подлетел, утер со лба пот и выдохнул с ликованием:

— Вот — нашел! — и протянул кринку Нилу.

— Давай, Устя, неси Матрене. Если что, я здесь. Приду ночью. Если что, приходи сюда...

За неделю артель Краюхина сделала огромный фундамент.

Избитый парень пролежал месяц. Начитавшись в газетах про гигантскую стройку, решил он, что наконец-то его мечта сбудется: раз гигантская стройка, значит, и гигантские на стройке механизмы.

Он упросил дядьку взять его с собой на гигантскую ярмарку, а заодно прихватил с собой модель трактора. Деревянный трактор заводился и пыхтел, пуская тоненькие кольца голубоватого дыма из деревянной трубы. Вдвоем с дядькой поставили на телегу трактор, рядом с бочкой квашеной капусты и бочкой огурцов, и двинулись в Гигант. Дядька всю дорогу ворчал: не дело заниматься игрушками, а пора робить и незачем везти всяких кукол со своим свиным рылом на гигантский красный базар, надо, мол, выкинуть эту игрушку где-нибудь в лесочке.

Не то дядька потихоньку начал разбирать модель трактора и выкидывать, не то сами части модели отвалились по дороге, только приехали — глянь, а чего-то нет. Парень пригорюнился, погорюнился

да и пошел искать подходящие дощечки, чтобы за вечер выстрогать недостающие детали, а утром показать народу на базаре или какому-нибудь знающему человеку. Парня звали Мокей Олегович Пустьяков.

Он лежал и не знал, что дядька пождал, пождал племянника, таясь, снял игрушку, поставил возле ларька, а сам уехал домой. Игрушка попала на глаза Лукьяну. Походил Лукьян возле нее часа два, поспрашивал народ — нет хозяина, а тут концерт, песни. Прождал Лукьян до вечера, народ уж расходиться начал, а хозяина игрушки все нет. Взвалил Лукьян игрушку на плечо и поволокся с ней искать своих. Свои порасходились тоже. Глядь — едет Василий, шофер Сомова. Еле упросил Василия подвезти хоть до конторы, а там все поближе к дому. У конторы вылез, выволок с заднего сиденья игрушку, а тут Сомов: «Что это у тебя, Лукьянов?» — «Да вот нашел». — «Ну-ко, ну-ко, — пригляделся Сомов, руками замал. Хвать модель. — Бери!» — кивнул Лукьяну. Заволокли в контору. Поставили на стол. Собрал Сомов, кто был в конторе, и ну ходить все вокруг деревянного трактора. Нашли в маленьком ящичке бутылочку с чем-то, залили куда-то, подожгли. Тихо-тихо почихал деревянный трактор и замолк. Лукьян часа два смотрел вместе со всеми на игрушку, а потом ушел — проголодался. Сомов и его серьезные помощники так и остались разглядывать деревянное чудо.

Избитый Мокей молча лежал и не знал еще, что эта его игрушка навсегда останется в кабинете директора завода на специальной тумбе, чтобы поражать заморских гостей своим тихим деревянным чихом. Да и не мог он знать и предвидеть, что станет сам создавать уже не деревянные, а железные трактора и новые модели танков больших и маленьких, что будет почти военным человеком с большим званием — дальше уже некуда, — а нет-нет, да и остановит беглый взгляд на своей первой игрушке и тихо улыбнется сам себе. Иногда, в кругу близких, будет говорить о том, что благодаря колышкам он стал теперь тем, кто есть, не подобрал бы он те колышки — его бы не избili, не потерялся бы деревянный трактор — и не попался бы на глаза Лукьяну, а потом Сомову, и сам бы он не оказался у Краюхина, и не встретил бы там жену свою — Любу.

Уже отшумели паводковые воды, отжурчали ручьи, отгремели майские грозы, зацвела по лугам черемуха, и тут вдруг после крупного града хлынул проливень.

За три дня затопило на стройплощадке траншеи, за неделю весь котлован. И без того убродные дороги совсем развезло. Только собрались было пустить в котлован лодки, но тут, на седьмой день, взошло солнце, поднялся ветер и лужи начали на глазах иссыхать. Снова очнулась от дремы вся живность: залетали бабочки, запели птицы и вывелось несметное количество комаров.

Снова Харя принялась возить вагонетки с битым камнем к бетономешалкам, страдая от заботы об Иване, которого в его липовом саду свалила шаль-

ная градина, угодив ненароком прямо в темечко. Подошла Харя к бетономешалкам, и та, к которой Харя подвезла вагонетку, затряслась, затряслась, греясь на солнышке, вот-вот взлетит за бабочками, но вместо того ухнулась в тартарары, еле успела отскочить Харя.

Что началось! Народ сбежался, ахают, дивятся на Харю, как-де она уцелела, не провалилась вместе с мешалкой в тартарары? После уже выяснили, что воды из котлована размыли землю и хлынули в какую-то глубокую пустоту. Мужикам стало жалко валютную машину — кинулись вытаскивать. Привязали веревки, тянули-тянули — ни черта не вытянули. Пригнали, тоже валютный, трактор «Фордзон». «Фордзон» тянул-тянул, оборвал все веревки и заглох. Сомов испугался, что «Фордзон» и диковинная американская траншекопательница тоже провалятся, приказал все механизмы с этого участка отвести, чтобы, кроме людей, к яме никто не подходил. Отдохнули мужики, принялись тянуть снова. Упирался Нил, упирался до ломоты в пояснице, а потом вспомнил о Харе, о ее необузданной силе. Покричал Харю. Молчит. С перепугу, что за провалившуюся дорогую машину ее накажут, отберут премиальную телушку, Харя залезла в вагонетку и дышать бросила, пока не поняла, что Нил зовет подмогнуть. Вылезла из вагонетки, подошла оробело.

— Нил Зотич, я тута...

— Давай-ка, Харитинья, упрись, — попросил Нил, протягивая Харе веревку толщиной в руку.

— Ы-ы-ых! — выдохнуло мужики и потянули.

Харя уперлась, тоже выдохнула и потянула. Бетономешалка постонала, постонала, покряхтела и пробкой вылетела из глинистой воронки. От неожиданности все мужики попадали.

— Спасибо, Харитинья Бояновна, спасибо! — Радостный Сомов попытался даже обнять необъятную Харю. — Спасибо! Выручила! Молодец!

Харитинья зарделась, а Фофан похлопал ее по плечу.

— Ну, Харя, ты у нас прямо-таки матуха! — похвалил, значит.

Бетономешалка снова заподрагивала. А у Нила вдруг отнялась нога — не идет, да и все тут. И мял, и дергал — не идет.

Пригнали по грязи лодку, усадили в нее Нила и повезли к баракам. Матрена шупала, шупала ногу, никак в толк не взяла, к чему бы напасть такая? Принялся шупать ногу и Онуфрий. Погмыкал, покхекал, а потом, почесывая затылок, спросил:

— А тараканы как, не бегают?

— Какие еще тараканы? — не понял Нил.

— А вот здесь? — пробежал пальцами по всей левой стороне Нила, начиная с лица.

— Да ты что, дед, по мне и вошь никогда не ползала.

— Не-ет, я про другое. На меня единожды паралич налетел, так веришь ли, по всей левой стороне недели две тараканы бегали. Тут дернет, там дрыгнет, а опосля косоротить стало. То рука понемет, то нога отстегнется — еле очухался. Пчелки спасли. Роди-